

Семантика анафорических местоимений и ее значение для философии языка

Введение

Проблемы, исследуемые в данном докладе, посвящены семантическому содержанию личных местоимений третьего лица (он, она, оно, они). Конкретно речь пойдет о сложностях экспликации их содержания в случаях, когда такое местоимение, будучи анафорическим, оказывается не связанным именной группой, являющейся его антецедентом.

Анафорическим местоимением, как правило, называется местоимение, содержание которого определенным образом зависит от содержания некоторого другого выражения, связывающего это местоимение и называющейся его антецедентом. Данное определение не является вполне точным и будет уточнено приведенными ниже примерами.

Главным образом, нас будут интересовать случаи, когда в рамках одного предложения неопределенная дескрипция, не связывая такое местоимение, оказывается при этом его анафорическим антецедентом. В литературе эти проблемные случаи получили название «donkey-sentences» или «donkey-предложения»¹ из-за считающихся парадигмальными примеров предложений об осле и его хозяине, известных еще со времен Средневековья.

I. Donkey-предложение: простой случай

Рассмотрим предложение

(1) If a farmer_i owns a donkey, he_i is rich.
Если у фермера_i есть осел, то он_i богат.

Исходя из синтаксиса (1) и его смысла (тех условий истинности, которые мы ему интуитивно приписываем), мы можем выразить это предложение формально следующим образом:

(1.1) $\forall x[(Fx \ \& \ \exists y(Dy \ \& \ Oxy)) \rightarrow Rx]$,

где Fx: x is a farmer, Dy: y is a donkey, Oxy: x owns y, Rx: x is rich.

Из (1.1) мы можем получить

¹ Литература, в которой исследованы философские аспекты данной проблемы, является преимущественно англоязычной, поэтому рассматриваемые в докладе примеры будут сформулированы по-английски с переводом. Это вызвано также и тем, что присутствие в английском языке артиклей может несколько облегчить прояснение отдельных аспектов нашего обсуждения. Наконец, докладчику пока не удалось отыскать удовлетворительного русского перевода для «donkey sentence», которое было бы лаконичным, корректным и не вызывало бы ненужных коннотаций.

(1.2) $\forall x\forall y((Fx \& Dy \& Oxy) \rightarrow Rx)$.

Рассмотренное предложение не вызывает вопросов или проблем относительно экспликации содержания местоимения 'he', т.к. оно связано антецедентом 'a farmer' и (1) можно переформулировать как:

(1.3) If a farmer owns a donkey, the farmer is rich.
Если у фермера есть осел, то этот фермер богат.

II. Проблемные donkey-предложения

Теперь рассмотрим предложение

(2) If a farmer_i owns a donkey_j, he_i beats it_j.
Если у фермера_i есть осел_j, то он_i бьет его_j.

Данное предложение считается проблемным donkey-предложением. Если мы попробуем воспроизвести здесь тот анализ, который мы применили к (1), то, исходя из синтаксиса (2), мы можем получить формулу

(2.1) $\forall x[(Fx \& \exists y(Dy \& Oxy)) \rightarrow Vxy]$,

которая, в отличие от (1.1), является пропозициональной функцией, а не предложением (консеквент имеет свободное вхождение переменной y). Также по причине вхождения в консеквент свободной переменной мы не можем перейти от (2.1.) к

(2.2) $\forall x\forall y((Fx \& Dy \& Oxy) \rightarrow Vxy)$.

П.Гич², введший проблемные donkey-предложения в современный философский оборот, видел суть связанной с ними проблемы в том, что их синтаксис вводит нас в заблуждение и приводит аргумент о том, что (2) должно сразу прочитываться нами как (2.1). Однако, как будет показано ниже, такой подход оказывается неудовлетворительным, ибо не учитывает все возможные корректные прочтения для (2).

Следует заметить, что предложение (2), являющееся условным, это не единственный вариант donkey-предложений. Существует второй не менее важный тип таких предложений, который уже не является условным предложением, а содержит условную клаузу. Примером такого предложения является:

(3) Every farmer who owns a donkey_i beats it_i.
Каждый фермер, владеющий ослом_i, бьет его_i.

Таким образом, проблема donkey-предложений представляет собой вопрос о том, как осуществляется анафора между местоимением 'it' и не связывающим его антецедентом неопределенной дескрипцией 'a donkey'.

² Geach, Peter Thomas (1962). Reference and Generality: An Examination of Some Medieval and Modern Theories. Ithaca, NY: Cornell University Press.

III. Симметричные и асимметричные прочтения donkey-предложений

Еще один важный аспект donkey-предложений, который важно учитывать для того, чтобы решить связанную с ними проблему, заключается в том, что они могут иметь разные прочтения, получившие название *симметричных* и *асимметричных*.

Выше мы, со ссылкой на Гича, привели одно возможное прочтение для (2), а именно (2.2). Однако (2) может иметь и другое прочтение, помимо того, которое исследовал Гич. Предложенное им прочтение

(2) If a farmer_i owns a donkey_j, he_i beats it_j.

Если у фермера_i есть осел_j, то он_i бьет его_j.

как

(2.2) $\forall x \forall y ((Fx \ \& \ Dy \ \& \ Oxy) \rightarrow Bxy)$

считается примером *симметричного* прочтения. Если говорить коротко, то оно так называется потому, что, согласно этому прочтению, для того, чтобы (2) было истинным, любой фермер должен бить любого имеющегося у него осла. Иными словами, все фермеры должны бить всех своих ослов. Данное прочтение вполне допустимо, ибо мы, действительно, можем считать (2) истинным в мире W1, где существует 5 фермеров, у каждого из них имеется по 5 ослов, и они бьют всех своих ослов.

Однако представим себе мир W2, являющийся, в целом, таким же, как и W1, с тем лишь отличием, что один из пяти фермеров не бьет одного из своих пяти ослов. Можно ли сказать, что в W2 предложение (2) будет истинным? Если мы анализируем (2), согласно приведенному выше прочтению (2.2), то, похоже, что мы не можем сказать, что (2) истинно в W2. Однако если понимать (2) как требующее лишь того, чтобы любой фермер, владеющий ослом(-ами) бил, как минимум, одного из своих ослов, то тогда (2) может также рассматриваться как истинное и в W2. Такое альтернативное прочтение в естественном языке будет выражаться примерно так:

(2.3) If a farmer_i is a donkey owner, he_i practices donkey beating.

Если фермер является ословладельцем, то он практикует ослобитье.

Такое прочтение donkey-предложения считается *асимметричным*, и для него у нас на данном этапе нет формальной записи, которая понятным образом происходила бы из (2).

Разумеется, кто-то может вообще усомниться в том, что (2.3) является адекватным прочтением для (2). Это, однако, не должно ставить под вопрос адекватность самого различия на симметричные и асимметричные прочтения для donkey-предложений, как минимум, по двум причинам. Во-первых, существуют примеры предложений, сходные с donkey-предложениями, в которых вполне очевидным является именно асимметричное прочтение:

(4) If a woman_i has a dime_j she_i puts it_j in the meter.

Если у женщины_i есть десятицентовая монета_j, она_i вбрасывает ее_j в автопарковщик.

Вряд ли можно сказать, что при произнесении такого предложения, как (4), мы всегда подразумеваем требование, согласно которому, женщина должна бросить в автопарковщик все десятицентовые монеты, которые могут у нее оказаться. Во-вторых, имеются данные опросов³, согласно которым применительно к такому миру, как W2, значительное большинство опрошенных носителей английского языка (среди которых не было лингвистов или философов) однозначно признавали ложность предложения

(5) Every donkey that is owned by a farmer_i is beaten by him_i,

Каждый осел, у которого есть хозяин-фермер_i, избивается им_i

но никак не предложения (2). Таким образом, независимо от наших интуиций относительно правильного прочтения того или иного donkey-предложения, нам следует признать объяснение, как симметричных, так и асимметричных прочтений в качестве задачи для искомой единой семантической теории.

Рассмотрев два возможных прочтения donkey-предложений, рассмотрим и то, как они соотносятся с двумя вариантами этих предложений: варианту, являющемуся условным высказыванием, и варианту, содержащему условную клаузу. Обратимся сначала к варианту с условной клаузой

(3) Every farmer who owns a donkey_i beats it_i.

Каждый фермер, владеющий ослом_i, бьет его_i.

и зададимся вопросом о том, может ли он вообще иметь симметричный и асимметричный виды прочтения. Кажется очевидным, что (3) может обладать асимметричным прочтением. Это обуславливается именно содержащейся в нем условной клаузой, которая, по определению, служит детерминатором для именной группы ('farmer'), т.е. уточняет объем субъекта высказывания (сужая его) за счет увеличения его содержания. «Являющийся ословладельцем», как раз и есть такое уточнение для «фермера». Поэтому

(2.3) If a farmer_i is a donkey owner, he_i practices donkey beating.

Если фермер является ословладельцем, то он практикует ослобитье.

может быть признано удовлетворительным прочтением для (3).

Многие исследователи, начиная с Гича, считают возможным приписывать (3) и симметричное прочтение. Как было сказано выше, согласно такому прочтению, все фермеры должны бить всех ослов, которыми они владеют. Данное прочтение (повторим) представлено в

³ См. Heim I. E-Type Pronouns and Donkey Anaphora // *Linguistics and Philosophy* **13**, 1990. Pp. 137-177.

(2.2) $\forall x \forall y ((Fx \ \& \ Dy \ \& \ Oxy) \rightarrow Vxy)$.

Буквально оно гласит:

(2.21) For any farmer_i and for any donkey_j: if he_i owns it_j, he_i beats it_j.

Для любого фермера_i и любого осла_j: если он_i владеет им_j, то он_i бьет его_j.

Специфическое отличие симметричного прочтения от асимметричного заключается в том, что в нем речь идет об отношениях, существующих между парами объектов, тогда как при асимметричном прочтении речь идет о свойстве одного объекта.

Если сказанное верно, то из него следует, что для того, чтобы (3) обладало симметричным прочтением, в нем речь должна идти об отношении между двумя объектами, а не о свойстве одного объекта. Однако подобное требование, похоже, не совместимо с рассмотренной нами синтаксической структурой предложения (3), как предложения с относительной клаузой, которая, по определению, является детерминатором одной именной группы. А если так, то нам остается, либо отказаться от рассмотрения (3) как предложения с относительной клаузой, либо отказаться от приписывания ему симметричного прочтения. По причине невозможности сделать первое, я делаю второе и поэтому считаю, что (3) не может обладать симметричным прочтением, делающим его ложным в W2.

Отсутствие ограничения, подобного относительной клаузе из (3), в первом варианте donkey-предложения, выраженного условным высказыванием (2), дает этому варианту возможность обладать как симметричным, так и асимметричным прочтениями.

Таким образом, проведенное рассмотрение показало, что теория объясняющая проблему donkey-предложений должна объяснять то, за счет чего осуществляется анафора в (2) при двух вариантах прочтения и в (3) лишь при его асимметричном прочтении.

IV. Семантика donkey-местоимений

Изложение своего видения того, как решается данная проблема, я начну для простоты с объяснения анафоры для симметричного прочтения (2). Здесь я согласен с анализом Гича и предпочитаю следовать за ним. Как уже было сказано, Гич анализирует (2) как (2.2) (= (2.21)), и при этом прочтении оба местоимения в консеквенте оказываются связанными соответствующими кванторами всеобщности, вследствие чего объяснение присутствующей здесь анафоры становится непроблематичным. Проблематичным может быть лишь то, как именно мы получаем (2.2) из (2), ведь, как было сказано выше, изначально у нас это не получалось.

Теперь перейдем к экспликации асимметричного прочтения для

(2) If a farmer_i owns a donkey_j, he_i beats it_j.

Если у фермера_i есть осел_j, то он_i бьет его_j.

и для

(3) Every farmer who owns a donkey_i beats it_i.
Каждый фермер, владеющий ослом_i, бьет его_i.

Именно такое прочтение, как уже говорилось, содержит основные проблемы теоретического характера. Итак, наиболее близкой, но при этом не удовлетворительной, полученной нами формальной записью, для асимметричных прочтений (2) и (3), выражаемых в естественном языке как

(2.3) If a farmer_i is a donkey owner, he_i practices donkey beating.
Если фермер является ословладельцем, то он практикует ослобитье.

является

(2.1) $\forall x[(Fx \ \& \ \exists y(Dy \ \& \ Oxy)) \rightarrow Vxy]$,

неудовлетворительность которой заключается в присутствии свободной переменной (необъясненности анафорической связи между местоимением 'it' с антецедентом 'a donkey').

Объяснение этой связи я предлагаю простое. Местоимение 'it' имеет такое же семантическое содержание, как и его анафорический антецедент. Иными словами, на месте этого местоимения может быть воспроизведена та же неопределенная дескрипция, которая представляет значение антецедента ('a donkey'). Формальная запись для (3) и асимметричного прочтения (2) в языке первопорядковой логики предикатов будет примерно такой:

(6) $\forall x[((Fx \ \& \ \exists y(Dy \ \& \ Oxy)) \rightarrow \exists y(Dy \ \& \ Oxy \ \& \ Vxy))]$,

что в естественном языке формулируется как

(6.1) Every farmer_i who owns a donkey beats a donkey that he_i owns
Каждый фермер_i, владеющий ослом, бьет владеемого им_i осла.

или как

(6.2) If a farmer_i owns a donkey he_i beats a donkey that he_i owns.
Если у фермера_i есть осел, то он_i бьет имеющегося у него_i осла.

Таким образом, способ, с помощью которого генерируется содержание анафорического, но синтаксически не связанного местоимения в указанных примерах прост: содержание местоимения воспроизводит содержание антецедента. Данный результат можно зафиксировать в виде правила: если в рамках одного предложения анафорическое местоимение, не связано своим антецедентом, являющимся неопределенной дескрипцией, то это местоимение следует интерпретировать как копию антецедента.

V. Предложенное решение и альтернативные походы

Предложенный вариант решения проблемы содержания donkey-местоимений и, соответственно, корректного семантического анализа

donkey-предложений может показаться примитивным и лежащим на поверхности. Однако, несмотря на свою простоту, он, тем не менее, представляется мне, по крайней мере, нетривиальным хотя бы потому, что наиболее влиятельные из имеющихся на сегодня теорий, ориентированных на объяснение donkey-предложений, предлагают решения, отличные от того, которое предложено здесь.

Так, концепции, разработанные такими влиятельными философами языка, как Г.Эванс⁴ и С.Нил⁵, анализируют анафорическое местоимение как жесткий десигнатор для сущности, вводимой в антецеденте (E-type теория Эванса), или как определенную дескрипцию, также обозначающую сущность, вводимую в антецеденте (D-type теория Нила). С другой стороны, концепция теории репрезентации дискурса, представленная в работах лингвистов Х.Кампа⁶ и И.Хайм⁷ исходила из анализа квантифицирующих выражений в начале каждого donkey-предложения, как неселективных кванторов, сфера действия которых распространялась на все предложение. Концепция динамической семантики (динамической логики предикатов)⁸, разработанная философами и логиками М.Стокофом и Й.Гроендийком, в качестве единицы своего анализа рассматривала не отдельные предложения, а целые дискурсы (наборы предложений).

Выбор того или иного анализа упомянутыми исследователями во многом зависел от имевшихся у них исходных формулировок проблемы donkey-предложений, и, соответственно, тех проблемных случаев, которые они пытались решить с помощью своих теорий. Так, не для всех была актуальна проблема симметричных и асимметричных прочтений. Однако ими рассматривались иные проблемы, связанные с анализом donkey-предложений, которые выше рассмотрены не были.

Таким образом, для того чтобы обосновать предложенный здесь подход к решению donkey-предложений, нам придется обратиться и к другим проблемным случаям, рассматривавшимся упомянутыми авторами с тем, чтобы показать, как предложенная методология анализа способна с ними справляться.

Кроме этого, предстоит также дать пояснения относительно того, в каком смысле предложенный мной анализ donkey-предложений является унифицированным, ведь способ анализа симметричных и асимметричных прочтений не одинаков. Требование единообразия в подходе к анализу donkey-предложений рассматривалось в качестве важного подавляющим большинством исследователей.

Наконец, предстоит также исследовать связь предложенной концепции с теорией контекстно-зависимых кванторов, развиваемой

⁴ Evans, Gareth (1977). Pronouns, quantifiers, and relative clauses (I). *Canadian Journal of Philosophy* 7: 467–536. References are to the 1985 reprint in Gareth Evans, *Collected Papers*. Oxford: Clarendon Press, 76–152.

⁵ Neale, S. Descriptive Pronouns and Donkey Anaphora // *The Journal of Philosophy*. 1990. Vol. 87, No.3. Pp. 113–150.

⁶ Kamp, H. A Theory of Truth and Semantic Representation // J. Groenendijk and al. (eds.) *Truth, Interpretation, and Information*. Foris, Dordrecht, 1981.

⁷ Heim, Irene (1982). The semantics of definite and indefinite noun phrases. Doctoral dissertation, Amherst, MA: University of Massachusetts.

⁸ Groenendijk, Jeroen, and Martin Stokhof. Dynamic Predicate Logic // *Linguistics and Philosophy*. 1991. No. 14. Pp. 39–100.

современным американским философом Дж.Кингом⁹. Эти две теории весьма близки, однако между ними есть и отличия, которые требуют пояснения.

Обсуждению перечисленных вопросов будет посвящена отдельная часть доклада.

VI. Философская значимость проблемы donkey-предложений

Наконец, в докладе будут рассмотрены некоторые аспекты вопроса о том, в каком отношении исследуемая проблема важна для философии языка.

Во-первых, важность donkey-предложений для философии языка заключается в том, что они ставят под сомнение один из базовых постулатов философии языка, согласно которому в естественном языке, так же, как и в формализованном, синтаксис и семантика выражений взаимодействуют в процессе генерации значений более сложных выражений из более простых (принцип композициональности). Donkey-предложения при первом их рассмотрении оказываются случаем, когда синтаксис и семантика выглядят несовместимыми друг с другом. Решение проблемы donkey-предложений, таким образом, диктуется нашим желанием согласовать имеющиеся у нас эмпирические данные языкового употребления с нашей теорией о том, как это употребление объясняется.

Второй важный аспект donkey-предложений заключается в тех выводах, которые можно сделать из их анализа относительно семантики личных местоимений. И вывод здесь в том, что их значение может быть представлено не только самим денотатом, как это пытались в свое время показать С.Крипке, Д.Каплан и Г.Эванс, но также ассоциироваться с дескрипцией, причем, как определенной, так и не определенной в зависимости от природы связывающего выражения и/или способа анафоры. Это, в свою очередь, заставляет нас пересмотреть ряд широко принимавшихся ранее утверждений относительно способов связи единичных терминов с обозначаемой ими реальностью.

Наконец, третьим аспектом, который многие современные философы считают важным, является защита теории неопределенных дескрипций Б. Рассела, которая была поставлена под сомнение теорией репрезентации дискурса Кампа и Хайм.

⁹ King, J. Context Dependent Quantifiers and Donkey Anaphora // M. Ezcurdia, R. Stainton and C. Viger (ed.) *New Essays in the Philosophy of Language, Supplement to Canadian Journal of Philosophy*, vol. 30, Calgary, Alberta, 2004. Pp. 97-127. URL: http://rci.rutgers.edu/~jeffreck/papers/king_2004_context_dependent_quantifiers_and_donkey_anaphora.pdf